

«Я РИСУЮ В ПАМЯТЬ О ТЕХ ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ

ТАМАРА БОРЧИК, ФОТО ДАРЬИ КРЮЧКОВОЙ

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» – гласит народная мудрость. И это действительно так. Увиденное сохраняется в памяти человека, вызывая у него душевный отклик. Но есть события, которые лучше не видеть, но забывать нельзя. Это война. Наша страна хорошо помнит события 1941 – 1945 годов. Великая Отечественная война стала тяжёлым испытанием для Советского Союза. 27 миллионов человеческих жизней было оборвано! Среди погибших – старики, женщины, дети. Фашисты не щадили никого. Это были страшные годы, но наша Родина, наши люди с достоинством выдержали их, сокрушив врага.

Сохранить память о событиях военных лет и увековечить имена наших героев старается житель Королёва, художник Владимир Яковлевич Власов. А делает он это через свои рисунки.

– Вот мой отец, – начинает рассказ Владимир Яковлевич, показывая старую черно-белую фотокарточку. – Я вот, старший лейтенант запаса, а он – младший. Такая же фотография есть в музее парка «Патриот». Ездил туда с правительством Москвы, я тогда работал в московском городском Совете ветеранов, занимался увековечиванием памяти защитников Отечества, отдавал в музей материалы, почтовые карточки с фронта – у меня их 26 таких, подлинных. Пришёл туда, увидел на стене много-много фотографий участников войны. Я говорю: «Ребята, а может быть, мой отец есть?» и, когда им назвал фамилию, высветилась огромная фотография папы.

– Расскажите о своём отце.

– Ну, знаете, он был такой суровый, военный человек. Очень много рассказывал мне о Великой Отечественной войне, особенно об одном эпизоде. Про финскую не любил говорить, потому что в начале финского конфликта его ранило – отец в окопе нагнулся, а снайпер с дерева выстрелил. Пуля прошла через него. Ну, ещё бы чуть-чуть, миллиметр буквально, в позвоночник попала бы, и, конечно, его бы не было в живых. Папу однополчанин тащил в медсанбат, и отец был ему очень благодарен. Так вот, этот сослуживец подарил ему кружку, с которой отец обе войны не расставал-

недалеко от Кёнигсберга. Там получил два осколочных ранения, когда повёл солдат в бой, в январе 1945 года.

– Вы упомянули, что особенно часто отец рассказывал об одном эпизоде. О каком?

– Самый значимый момент был в Белоруссии, в деревне Шалашино, Витебская область. Там из соседнего 77-го гвардейского стрелкового полка был высажен десант танковый. Они прошли по деревне, напугали немцев очень. Фашисты не знали, будет большое наступление или нет. И в этом десанте шальной пулей был сбит 19-летний рядовой Юрий Смирнов. Немцы подобрали его, он жив был. Допрашивал рядового советского солдата немецкий генерал Фон Траут. Ничего не добившись, фашисты раздели Юрия до нательного белья, сколотили крест из досок и живым прибили к нему. Через пару дней эту деревню освободили, как раз освобождал мой отец со своим батальоном. И солдаты забежали в блиндаж, они обычно искали что бы поесть, потому что на фронте всё-таки голодно было – отец всегда говорил брать с собой то, что запаковано, запаяно: банки, консервы. Открытые продукты запрещал есть, потому что немцы могли отравить. И когда наши солдатики забежали в блиндаж, то, как отец говорил, волосы у них стояли дыбом. Они сказали ему, что там распятый солдат на кресте. Отец, как замполит батальона, пошёл в блиндаж. Мама перед этим ему прислала посылку, уже в 1944 году можно было посылки на фронт присылать. Что могла жен-

ВЛАДИМИР ВЛАСОВ

про Юрия Смирнова. Ну и тогда я вспомнил, что отец мне рассказывал.

У нас на Пресне, а я тогда был заместителем председателя Совета ветеранов по патристическому воспитанию, был клуб «Вымпел». И когда пришёл к ним в гости, они мне дали диск, там было написано, что они снимают фильм о Юрии Смирнове. И я им поведал, что отец мне рассказывал. Утром они отвезли меня в Ногинск, в бывший пионерский лагерь, где у них была студия. И в 10 часов вечера, в таком же блиндаже – сверху капало, было холодно, я давал интервью режиссёру студии «Река Лена», как сын участника военной кампании, который видел произошедшее своими глазами. Потом этот фильм показали. Однажды я нашёл журнал «Огонёк» 1945 года, там была статья о маме Юрия Смирнова. Вот так.

– Что ещё из военных рассказов отца Вам запомнилось?

– Как заняли они одну деревушку в Прибалтике, а там у фашистов штабной домик был. Забежал он туда: кровать разбросана, на столе еда лежит, вино недопитое, на комод безделушки стоят, и портрет Гитлера висит. А отец говорит: «Я только новую обложку в ТТ (прим. ред. – самозарядный пистолет) вставил. И сказал вслух: «Ну что, я тебя, усатенький, не увижу живым?» И всю обложку в портрет в упор выпустил, разбил эту фотографию.

– Каким папа был человеком?

– Суровый отец, мужик был. Особенно я испугался его в детстве, в классе, наверное, третьем или четвёртом. С ребятами играл, ставили мы денюжки и битой били... А самые хорошие биты были из полтинников серебряных. И кто-то из ребят принёс медаль старую. Ну, а я посмотрел на это, вспомнил, что у отца был орден Красной Звезды и медаль «За Победу над Германией». И я взял у него эту медаль, напильником спилил «ушко» и пошёл играть. Ну, и, конечно, я этой медалькой денег заработал больше всех, копеечек этих, был очень доволен. Пришёл домой, отец за столом сидит и говорит: «Ты медаль взял?» «Что ты, отец, я не трогал». «Ну, тогда мама взяла, себе повесила и ходит с ней», – ответил мне. Пришлось сознаться. Отругал меня: «Твоё счастье, что эта медаль не боевая, не номерная медаль. Если бы это была номерная «За отвагу», «За боевые заслуги», неделю тебе бы не сесть». Я очень боялся его офицерского ремня, широкого. Правда, потом мне сказали, что больно, наоборот, когда узким ремнём бьют. Отец рукой прикладывал мне иногда, потому что я хули-

ганистый был. Мне бы чего-нибудь сломать, поджечь. Вот такой я был мальчишка. Это потом понимание многих вещей пришло, иначе на всё смотреть стал. Сейчас в память об отце я и рисую, в память о тех людях, которые воевали, которые не пришли.

– Расскажите о своём профессиональном пути.

– У меня чисто земная профессия – автомобилист, самая-самая востребованная профессия сейчас в зоне СВО. Работал на мебельном комбинате по распределению, потом на Стройпластмассе, после ушёл в Госснаб СССР на заводе «Полимер», совместное советско-французское производство, отработал в Министерстве мелиорации, занимался тогда переработкой пластмассы, полиэтилена. Хотел в аспирантуру поступать, но английский меня подвёл, и я не поступил. В 1989 году мне предложили работать в школе. Министерство мелиорации замучило командировками, хотелось дома быть больше, жена ждала ребёнка, и я перешёл на Пресне в Учебно-производственный комбинат учителем технологии и рисования. 27 лет там проработал. Вы знаете, я горжусь этим, ни одна профессия меня так не увлекала. Самая благороднейшая профессия. У меня жива классная руководительница, в прошлом году ей исполнилось 90 лет, я был у неё на дне рождения. И когда я делал выставку в ДК Калинин, на тему «Космос», я её посвятил классному руководителю. Мне говорят: «Ну, она-то к космосу какое отношение имеет?» Я говорю: «Вы не понимаете, она в нас вложила уважение к героизму, к патриотизму». В позапрошлом году я стал членом Союза художников Подмосковья. Это вдохновляет. К 75-летию Победы ко мне приезжали с телевидения, брали интервью, как я рисую. Ну, я показывал рисунки, которые посвящены героям.

– А героев-королёвцев рисуете?

– Однажды председатель Совета ветеранов нашего города сделал мне замечание: «Вот, ты всё рисуешь о своём отце, а почему не о наших, о королёвцах?» Меня задело это, я как раз присутствовал на прощании со знаменитым героем Александром Гавриловичем Когутенко. Пообещал тогда его внучке сделать рисунок. И сделал серию из 16 рисунков. И о наших героях тоже, тем более два из них, которые Герои СССР – они мои земляки, рязанские – Иван Яковлевич Илюшин, чьё имя носит гимназия №18 в Королёве, и Валерий Степанович Уткин, в его честь названа улица в Валентиновке. Ещё в Королёве

ся. Позже однополчанин погиб, а он жив остался. Когда пришёл с финской, началась Великая Отечественная война. Их не взяли на фронт, тех, кто служили в финскую, оставили в резерве, а потом, в конце 41-го года, после контрнаступления под Москвой, отца забрали в армию. Меня ещё не было тогда, мне это рассказывала мама. Он попал в 33-ю армию под командованием генерала Ефремова. В первом же бою папа получил ранение, и из 33-й армии его направили в 16-ю, под командованием Рокоссовского. Отец прошёл Подмосковье, Курск, Брянщину, Белоруссию. Он дошёл до Велу, это

щина из деревни прислать? Носовые платки, шерстяные носки и махорку. И вот отец рассказывал: «Когда я спустился по земляной лестнице в этот блиндаж, то с правой стороны был мальчик. Он весь уже чёрный был, потому что лето было, разлагаться начал.левой рукой я сжимал носовые платки, прижатые к носу, потому что дышать уже нечем было, а правой – рукоятку пистолета. Вышел на улицу, если бы попался немец пленный, я бы его застрелил, хотя за это сразу десять лет бы дали».

Я забыл про это, но потом мне случайно попала где-то статья в какой-то книге